

В. О. Шишов (Санкт-Петербург)

**МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ И ОПЫТ
ПРИМЕНЕНИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ
ПОД ОЧАКОВОМ В ХОДЕ КАМПАНИИ 1788 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСОК Р. М. ЦЕБРИКОВА
И ДЕЛ КАНЦЕЛЯРИИ И. И. МЕЛЛЕР-
ЗАКОМЕЛЬСКОГО ИЗ АРХИВА ВИМАИВиВС)**

Начавшаяся летом 1787 г. новая русско-турецкая война стала серьезным вызовом для всей административной и военной системы Российской империи. Своего рода экзаменом для нее стала кампания под Очаковом, стянувшая основные силы Екатеринославской армии и потребовавшая от русского командования напряжения всех сил.

В стратегических замыслах русского командования Очакову отводилось особое значение. Крепость была форпостом Османской империи в Северном Причерноморье, служа базой турецкого флота и вмещая многочисленный сухопутный гарнизон. Одновременно с этим Очаков занимал важное стратегическое положение, запирая Днепро-Бугский лиман, ограничивая оперативные возможности для действий русских кораблей Лиманской флотилии и молодого Черноморского флота.

За столетия существования фортификация крепости оформилась в три связанных между собой сегмента:

– «старая крепость», расположенная чуть выше устья лимана, состоящая из башенных и бастионных укреплений, возведенных в XVI–XVII вв. и неоднократно перестраивавшихся с тех времен;

– «гассан-пашинский замок» – небольшое квадратное по форме укрепление, расположенное в месте, где лиман переходит в море;

– земляной «ретранжемент», прикрывающий наиболее уязвимую часть старой крепости с северной и западной сторон.

В предшествующее началу войны десятилетие фортификация крепости была подновлена и основательно перестроена стараниями французских инженеров во главе с Лаффитом-Клаве, однако ограниченность средств и болезненная реакция русского правительства на деятельность французских специалистов не позволили довести все задуманные мероприятия до конца; однако и без этого укрепления Очакова были существенно усилены¹.

После отражения попытки турецкого десанта закрепиться на Кинбурнской косе и его разгрома силами кинбурнского гарнизона 1 октября 1787 г.² стороны взяли паузу и принялись планировать кампанию следующего года.

Кампания под Очаковом растянулась на несколько месяцев и продолжалась с июля по декабрь 1788 г. Именно событиям под этой крепостью было суждено определить дальнейший ход войны. Несмотря на смелые предложения отдельных начальников³, командующий Екатеринославской армией Г. А. Потемкин долгое время отказывался от идеи решительного штурма крепости. Вскоре русский корпус был вынужден приступить к осаде. В этом случае главную роль должна была играть русская осадная артиллерия, сосредоточение и распределение по батареям которой стало одной из ключевых задач русского командования на начальном этапе осады. Именно артиллеристы должны были сделать более сговорчивым коменданта крепости и склонить того к сдаче Очакова, не прибегая к необходимости подходить к валам с лестницами.

История Очаковского взятия достаточно подробно разобрана в историографии. Особенno это касается обзора стратегической ситуации и принимаемых русским командованием решений. При этом стоит отметить, что непосредственно боевая действительность и применение русской артиллерии у стен Очакова оставались вне поля зрения как маститых исследователей XIX в.⁴, так и специалистов XX столетия⁵, ограничиваясь общими замечаниями или особенно крупными акциями (вылазка турецкого гарнизона, стоявшая из-за нерасторопности дежурного командира строящейся батареи, или массированный обстрел крепости 9 октября, в ходе которого в ней произошел большой пожар). В данной статье, являющейся продолжением работы автора по изучению этой лакуны в истории Очаковского взятия⁶, предпринята попытка более детально проанализировать применение русской артиллерии через призму служебной документации и дневниковых записей.

Основой источниковой базы для исследования состояния и применения артиллерии стали дневник Р. М. Цебрикова, состоявшего переводчиком при канцелярии Г. А. Потемкина, «Вокруг Очакова», недавно переизданный с исправлениями и дополнениями Сергея Александровича Козлова⁷, и дела канцелярии Ивана Ивановича Меллер-Закомельского – видного участника осады Очакова, командующего всем левым флангом русского осадного корпуса, исполнявшего в это время обязанности генерал-фельдцейхмейстера русской армии, хранящиеся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. В статье сделан упор, прежде всего, на поденную ведомость расхода боеприпасов русской артиллерии под Очаковом, хранящуюся в одном из дел⁸.

Численность и калибры артиллерии

Перед тем как оценить характер использования артиллерии в ходе осады, определим, какое число орудий было задействовано в ходе кампании. В документах канцелярии Меллер-Закомельского можно найти указание на точное число орудий осадной и полевой артиллерии, а по косвенным сведениям составить примерное представление о числе задействованных во время осады орудий полковой артиллерии.

Осадная артиллерия была представлена пушками калибра 24 и 18 фунтов (40 и 30 единиц соответственно), мортирами калибра 5 и 2 пуда (13 и 5 единиц соответственно) и десятью 1-пудовыми единорогами. Итого осадной артиллерии было наряжено 98 орудий⁹. Кроме того, по линии осадной артиллерии были отправлены 50 единиц 6-фунтовых мортирок, предназначенных для стрельбы гранатами¹⁰. К орудиям полевой артиллерии, задействованной в осаде, относятся 12- и 6-фунтовые пушки (по 20 единиц каждого калибра) и ½-пудовые единороги – 22 единицы¹¹. Итого: 62 орудия.

Таким образом, всего на батареях вокруг Очакова было задействовано 160 орудий осадной и полевой артиллерии. Прибавив к ним 50 единиц 6-фунтовых мортирок, можем сказать, что оценка в 200 орудий, встречающаяся в дневнике Цебрикова, была достаточно близка к реальной картине, что свидетельствует о его осведомленности о состоянии дел во время осады.

К слову, самих артиллеристов, столь активно проявивших себя в ходе осады, было совсем немного: по рапорту

И. И. Меллер-Закомельского – «не более 1760 человек»¹² из более чем 20-тысячного осадного корпуса. Примечательно, что 350 из них участвовали «охотниками» во взятии крепости в составе штурмовых колонн.

Таблица 1

Расход боеприпасов во время осады Очакова по месяцам

№ пп.	Месяц	Дней осады	Дней обстрелов	Средний расход за день обстрелов (ед.)	Всего выстрелов (ед.)	Доля от общего расхода (%)
1.	Июль	31	3	271	814	1,2%
2.	Август	31	5	2040	10201	15,4%
3.	Сентябрь	30	11	328	3610	5,5%
4.	Октябрь	31	28	1070	29965	45,3%
5.	Ноябрь	30	30	496	15382	23,2%
6.	Декабрь	6	6	974	5845	8,8%
Итого:		159	83	863	65817	100,0%

«Вокруг Очакова». Начало осады (июль–август)

Буквально с первых дней осады Р. М. Цебриков уделяет самое непосредственное внимание действиям артиллерии. Уже 1 июля, едва подойдя к крепости, он был свидетелем бомбардировки Очакова: «зделана была ложная атака и батерия, на ней стояли три большия пушки... все утверждали, что город бы здался, ежели бы продолжали бомбардировать еще часа два; но беда, что у нас только всех три больших было пушек, а осадная артиллерия еще не пришла»¹³. Не стоит переоценивать эффект, произведенный обстрелом 1 июля. Слова Цебрикова скорее отражают настроение, царившее в окружении Г. А. Потемкина. Многие (это мнение разделял и сам светлейший князь) были уверены, что достаточно уверенная демонстрация силы и решимости заставит коменданта Очакова задуматься о сдаче крепости русским. Однако, как показали дальнейшие события, это было явным заблуждением, и осаду крепости пришлось вести совсем не демонстративно. Любопытно сравнить сведения Цебрикова с материалами артиллерийского делопроизводства.

В ведомости, озаглавленной «о употребленных против неприятеля выстрелах при осаде Очакова 1788 года», в расход боеприпасов русской артиллерии за 1 июля действительно вписано 38 24-фунтовых ядер, 22 18-фунтовых, 154 12-фунтовых и 207 6-фунтовых¹⁴. Вероятно, те «три большия пушки», о которых говорит Цебриков, были двумя 24-фунтовыми и одной 18-фунтовой пушками, ядра которых попали в расход за этот день. Кроме ядер, отметим использование $\frac{1}{2}$ -пудовых бомб и бранскуглей¹⁵ (188 и 26 соответственно), выпущенных из полупудовых единорогов.

5 июля из Херсона прибывает еще часть осадной артиллерии¹⁶, 12 июля еще несколько орудий¹⁷, однако большинство орудий оказались под стенами крепости только после 20 июля.

В записи, датированной 21–24 июля, Цебриков пишет о сооружении «батареи на высоком кургане»¹⁸ и открытии огня с нее: «после обеда палили с батареи из 24-х-фунтовых пушек бомбами, кои разрывались пред садами... и достиг до садов, палили из пушек, дабы выгнать из оных скрывающихся турков»¹⁹. И действительно, за 24 июля в расход боеприпасов (впервые с 1 числа) записано 47 6-фунтовых ядер и 10 1-пудовых бомб, а 27 числа того же месяца – в день, когда произошла известная неудачная атака под началом А. В. Суворова – двадцать одно 12-фунтовое ядро и сто одна $\frac{1}{2}$ -пудовая бомба.

В ведомости по расходу боеприпасов с 27 июля наступает более чем двухнедельный перерыв, однако Цебриков упоминает о действии русской артиллерии в эти дни (в частности, 9 августа²⁰). Здесь же можно почерпнуть сведения о работе по рытью траншей и сооружению батарей, производимой силами осадного корпуса²¹.

Обстрелы возобновились в середине августа. Канонаду 15 августа Цебриков характеризует следующим образом: поутру началась прежестокая и частая пальба с наших батарей и с крепости Очаковской и продолжалась без перерыва часа с два» – и действительно, в этот день русскими артиллеристами было выпущено более тысячи снарядов: 569 ядер разных калибров, 496 бомб (1-пудовых и $\frac{1}{2}$ -пудовых) и 40 $\frac{1}{2}$ -пудовых бранскуглей²².

На действия артиллерии на следующий день, 16 августа, Цебриков откликается следующей записью: «ввечеру началась сильная пальба под Очаковом»²³ – по ведомости за 16 августа было выпущено 675 боеприпасов (360 ядер и 315 бомб разных калибров). Похожая запись: «начато было бомбардирование, которое

и продолжалось безпрестанно часа три»²⁴, фигурирует под 17 августа. В этот день было выпущено 1015 снарядов (414 ядер, 586 бомб разных калибров и 15 ½-пудовых бранскуглей)²⁵.

Красочное описание боя 18 августа вполне соответствует масштабу применения артиллерии в этот день. Приведем только одну выдержку: «с великой нашей батареи также действовали с великим жаром; бомбы и ядра, безпрестанно перелетавшие через головы, ужасный свист производили... От частого с близких наших батарей бросания бомб зажжено в городе было в четырех местах. Усилившийся там огонь заставил молчать все турецкие батареи, но с наших палить не переставали»²⁶. И действительно, всего за день 18 августа по ведомости было выпущено 2865 боеприпасов, причем помимо привычных уже ядер (1776 выстрелов), бомб (865 выстрелов) и бранскуглей (76 выстрелов) фигурируют 6- и 3-фунтовые гранаты (всего 77 зарядов для мортирок и полковых пушек) и даже картечь (71 заряд калибром ½ пуда, 12, 6 и 3 фунта).

В записи от 19 августа Цебриков упоминает еще одну важную для понимания работы артиллерии деталь. В этот день были окончены еще две батареи, на каждой из которых было поставлено по 28 пушек (16 осадных, 12 полевых) и по 4 мортиры²⁷. Далее, до записи за 28–30 августа, Цебриков упоминает только работу над батареями²⁸, но ни о какой пальбе не пишет, что точно совпадает с ведомостью, в которой следующей за 18 августа датой записано 30 августа.

В записи, датированной 28–30 августа, можно встретить оценку Цебриковым численности русской артиллерии: «со всех наших около Очакова поставленных батарей... на коих всяко-го рода орудий простерается числом до 200»²⁹. О точности данной оценки речь шла выше, здесь же упомянем о впечатлении Цебрикова от канонады 30 августа. «Начало пальбы произвело с неописанным жаром с наших батарей... Множество молний вокруг крепости и с крепости безпрестанно сверкали... Неукоснительно зажгли в городе строения, старались то поддерживать безпрестанными пусканиями в него бомб и кале-ных ядер»³⁰. День 30 августа стал одним из самых «горячих» за все время осады Очакова. Всего русскими артиллеристами было выпущено 4541 заряд: 2867 ядер, 1444 бомб, 115 6-фунтовых гранат, 71 бранскугель, 38 картечей и 6 «каркасов»³¹. Расход боеприпасов за этот день составил 7 % от общего расхода боеприпасов за все время осады Очакова.

Распределение расхода боеприпасов по типам

Тип боеприпасов	Число выпущенных зарядов (ед.)	Доля (%)
Ядра	42193	63,8%
Картечь	1163	1,8%
Бомбы	15249	23,1%
«Каркасы»	104	0,2%
«Светлые ядра»	2	<0,1%
«Бранскугли»	470	0,7%
Гранаты	6946	10,5%
Итого:	66127	100,0%

Сентябрь

С точки зрения тактики применения артиллерии интересно замечание Цебрикова от 4 сентября. Приведем развернутую цитату автора: «Сей день разослал светлейший князь приказы ко всем начальным, предписывая им, каким образом должно город бомбардировать... Миллеру³²... учинить распоряжение в пушках, чтобы стрелять не часто, но непрерывно, метать бомбы туда, где лучшие строения находятся, зажигать бранскугелями и попнапрасну не стрелять, но всего первое стараться разрушить турецкие батареи»³³. Из цитаты можно заключить, что после масштабной бомбардировки города 30 августа Потемкин оказался неудовлетворен результатами и решил внести свои корректизы в практику применения артиллерии.

С 6 сентября обстрелы возобновились, о чем не преминул написать и Цебриков, отметив, что «чрез весь день производилась пальба, но прерывно»: всего было израсходовано 1032 заряда (600 ядер, 403 бомбы, 20 картечей, 7 ед. 6-фунтовых гранат, и по одному 5-пудовому каркасу и $\frac{1}{2}$ -пудовому бранскугелю)³⁴. Любопытно отметить, что такой внимательный автор как Цебриков не упоминает об обстреле на следующий день, хотя по ведомости за 7 сентября записано в расход еще 830 зарядов (429 ядер, 276 бомб, 114 ед. 6-фунтовых гранат, 7 картечей и 4 каркаса)³⁵.

Отмечает действия артиллерии Цебриков и 10 числа того же месяца: «после обеда началась пальба и продолжалась около двух часов... Огонь нашей артиллерии зажег на форштате»³⁶. В этот день в расходе отмечено 497 зарядов (310 ядер, 143 бомб, 27 6-фунтовых гранат, 7 каркасов и 6 картечей)³⁷. Отметим упоминание о пожаре форштадта: очевидно, наставления Потемкина возымели свое.

Следующее упоминание о действиях артиллерией относится к 25 сентября, правда, отличилась в записи Цебрикова неприятельская артиллерия: «турки начали на наши батареи с жаром палить, препятствуя нам работать»³⁸. Тут же упомянуты турецкие запорожцы, которые «производили немалую пальбу на... егерей»³⁹. Работу русской артиллерией Цебриков не упоминает вовсе, хотя по ведомости в тот день в расходе значится 1008 боеприпасов (545 ядер, 335 бомб, 115 6-фунтовых гранат, 10 каркасов и 3 бранскугеля)⁴⁰.

Остальные же числа сентября вообще лишены каких-либо упоминаний о действиях артиллерии, что согласуется с ведомостью: 20, 21, 23, 26, 27, 28 и 30 сентября в расход записаны только мелкокалиберные 6-фунтовые гранаты, использовавшиеся для небольших мортирц.

Таблица 3

Распределение расхода боеприпасов по типу и калибру орудий

Тип орудий	Калибр	Число выпущенных зарядов (ед.)	Доля (%)
Пушки	24ф	17580	26,6%
	18ф	11749	17,8%
	12ф	9008	13,6%
	6ф	4633	7,0%
	3ф	346	0,5%
	1п	2216	3,4%
Единороги	1/2п	10432	15,8%
	5п	2256	3,4%
Мортиры	2п	1055	1,6%
	6ф	6852	10,4%
Итого:		66127	100,0%

Октябрь – кульминация осады

Октябрь был особенно активным месяцем с точки зрения применения артиллерии: почти каждый второй снаряд, выпущенный по крепости, был выстрелен в октябре. Особенно жаркими выдались 4, 9 и 23 октября – только за эти три дня было занесено в расход 12 766 снарядов, или 19,3 % от всех расходов за время осады. Вообще же огонь по крепости велся каждый день месяца, за исключением 2, 3 и 12 октября.

В записи за 4 октября автор отмечает: «Поутру началась... ма-ло-помалу пальба с крепости, но скоро потом сильною здела-лась и продолжалась часа три. Наши батареи уже весьма близ-ком к крепости подведены, а старые оставлены»⁴¹. При этом о действии этих новых батарей автор не упоминает, хотя рас-ход боеприпасов за 4 октября составил без малого 3420 единиц (2214 ядер, 1115 бомб, 66 6-фунтовых гранат, 17 картечей, 7 кар-касов и 1 ½-пудовый бранскугель)⁴².

Любопытно, что в дневнике отсутствует запись от 6 октя-бря, когда был выпущен 1391 заряд, а вот в записи за 7 октября Цебриков упоминает любопытную деталь: в Очаков перебежал «прежде искусной, но беспорядочный канонер»⁴³, и здесь же при-бавляет: «Ввечеру часа два бомбы и гранаты пускали, раз восемь причиняли пожар в городе, но после все утихло». Расход боепри-пасов в этот день составил 883 единицы (314 ядер, 297 6-фун-товых гранат, 243 бомбы, 21 картечь, 5 каркасов и 3 ½-пудовых бранскугеля)⁴⁴. Обращает на себя внимание активное примене-ние 6-фунтовых мортирец – не они ли стали причиной подобно-го урона городу?

9 октября стало днем наибольшего напряжения сил русской артиллерии за все время осады: «Невзирая на стужу и ветры, про-изводилась весьма долго пальба с нашей стороны, с земли и во-ды... На сухом пути пущенные из крепости бомбы попали дважды в ящики с порохом и разорвали [их]. В городе с нашей стороны зажжено и долго виден был черной дым. Находящиеся в плену у нас турки заключали, что, конечно, зажжен был хлебной магазе-ин»⁴⁵. И тут Цебриков оказывается довольно точен при описании: действительно, в расход за 9 октября записаны «взорванных» 242 боеприпаса (158 картечей, 43 бомбы, 40 3-фунтовых гранат и 1 бранскугель)⁴⁶. Очевидно, именно об этих «ящиках с поро-хом» пишет Цебриков. Что касается «хлебного магазина», – тут

автор записок напрасно доверился пленным туркам. На самом деле в тот день в Очакове было взорвано два больших пороховых погреба, вместимостью 2500 пудов пороха каждый⁴⁷. Расход же боеприпасов указан в 5243 единицы – почти 8 % от всего расхода за 4,5 месяца осады. Большая часть снарядов оказалась ядрами – 3729 единиц, причем 2597 из них были калибра 24 и 18 фунтов, то есть относились к осадной артиллерию. Бомб было выпущено 1370 единиц, 6-фунтовых гранат – 98, картечей и бранскуглей по 18, каркасов – 10 единиц⁴⁸.

Далее в разных заметках за октябрь то тут, то там упоминаются действия артиллерии, однако обращают на себя внимания более конкретные замечания Цебрикова. В записи от 10 октября он не только отмечает, что «после обеда часа три то из пушек палили, то бомбы пускали»⁴⁹ (расход боеприпасов за этот день – 1640 ядер, 824 бомбы, а всего 2587 зарядов⁵⁰), но и упоминает о характере огня артиллерии: «По сие время почти только стреляли в крепость на ответ туркам, но теперь велено в самом деле не зевать. Три недели сряду почти ни одного пушечного выстрела не слышно было, в которое время турки все испорченное починили, и мы были снисходительныя, что нимало им в том не мешали, но сие стоит нам теперь опять и лишних зарядов, и трудов, и людей»⁵¹.

Или в записи за 11 октября (1811 зарядов в расходе за день⁵²): «Поутру производилась палба с обеих стороны поперывно, но после обеда с... жаром чинима была». И тут же: «Турки с ретраншемента своего три дня уже как перестали палить, но тем сильнее с крепости и ядра от них лят на полтора и немало на две версты к нам»⁵³. Такая характеристика турецкой артиллерией не должна удивлять: в крепости находились орудия самых разных калибров, включая феноменальные для конца XVIII в. 41, 40 и 35-фунтовые пушки. Пусть таких пушек было всего ничего (из 300 орудий Очакова калибр свыше 12 фунтов имели все-го 33 орудия⁵⁴), они вполне могли использоваться для стрельбы на дальние дистанции.

23 октября (4103 выпущенных снаряда, из которых 3314 ядер и 720 бомб⁵⁵) Цебриков отмечает беспрерывную «с великим жаром пальбу», а также соотношение мощи огневых средств: «Турки скоро утихли и после на пять и десять наших выстрелов едва отвечали одним»⁵⁶, и важное для хода осады событие: «После обеды пробили дыры в каменной крепостной стене

и много причинили повреждений в прочих частях крепости с наших на суше построенных батарей»⁵⁷. Упорная работа русских артиллеристов наконец-то была вознаграждена явным успехом. Пробитие бреши в каменной стене именно крепости, а не земляного ретраншемента (вместе с серьезными повреждениями, причиненными «гассан-пашинскому замку» орудиями флотилии в этот же день) предопределили ориентацию русского командования на решительный штурм крепости. Не случайно именно левому флангу русского осадного корпуса, чьи позиции находились против бреши, была определена главная роль в будущем взятии. Осталось дождаться подходящей погоды, чтобы силы флотилии могли оказать наступающим колоннам поддержку своим огнем.

В записи от 27 октября Цебриковым упомянут интересный казус: дискуссия о правомерности использования зажигательных боеприпасов. «Споры о брандскузелях – россияне одни только несправедливы, употребляя их против Очакова. С моей стороны, что все позволено употреблять против своего неприятеля. Да, ответствовано мне, это одни только россияне способны к тому. Но вить принц Нассав⁵⁸ к нам принес изобретение сие»⁵⁹. Финалом дискуссии с немцем, «всегда и везде показывавшим, что он человек просвещенный» была, как полагается, драка.

Еще одно свидетельство о особенностях применения артиллерии записано под 31 октября: «Каждый день производится пальба, а иногда со всех орудий, на батареях расположенных, залпом падают; такое действие необычайное заставило сперва всех думать, что, конечно, что-нибудь подорвано»⁶⁰.

Ноябрь–декабрь – финал осады

В ноябре активность русской артиллерии существенно снизилась (число выпущенных зарядов упало вдвое, если же брать число ядер и бомб, то тут разница еще более заметна (20 тысяч против 8 и 7,5 тысяч против 2 соответственно). Однако и тут есть на что обратить внимание в записках Цебрикова. Так, например, в записи от 4 ноября автор отмечает «пресильное бомбардирование», хотя по ведомости в расходе боеприпасов значится всего 89 ядер и 82 бомбы (всего 548 зарядов)⁶¹. Здесь же упомянута хитрость, на которую решился пойти Потемкин, чтобы

причинить больший урон крепости: находившиеся в траншеях солдаты должны были кричать «Ура!», имитируя начало атаки. Сбежавшиеся для отражения штурма на валы турки стали мишенью для огня русских батарей⁶².

В этом же отрывке Цебриков пускается в размышления о цене войны: «Полагают... пушечной выстрел по 5 рублей, а бомбу ценят в 25 рублей. Если положить, что мы пустили вчера 100 бомб... да пушечных 25 000 выстрелов... столько стоит пальба – 127 500 рублей». Интересно, что тут же Цебриков упоминает, как ему кажется, нормы расхода боеприпасов: «всякой раз, когда приказано было палить, то никогда менее 25 выстрелов не приказано было чинить из каждого орудия»⁶³. Как ни странно, число выпущенных боеприпасов осадной артиллерии нередко оказывается близко кратным 25. Совпадение ли это? Сложно утверждать наверняка.

В записи за 11 ноября упомянута большая вылазка турок – одна из последних за время осады, направленная, что не удивительно, «на нашу вновь устроенную батарею на фланге левом». Атака производилась на рассвете, когда многие «в сей батарее от холода уснувши». Турками были захвачены две полевые пушки, которые они попытались утащить с собой в крепость, однако оба орудия были отбиты⁶⁴, а работы по доделке батареи продолжились.

В записи за 27 ноября Цебриков отмечает, что с того дня «велено продолжать пальбу дня три или четыре», однако у огня артиллерии была конкретная цель: «повредить бастион и проломить стену для лучшаго входа в крепость нашим солдатам»⁶⁵. И действительно, с 27 ноября наблюдается оживление действий русской артиллерии: если 27 числа было израсходовано 363 боеприпаса (230 ядер, 23 бомбы), то 28 уже 1647 (1376 ядер, 76 бомб). После некоторого спада 29 и 30 ноября (507 и 204 заряда соответственно) вновь начинается оживление. Идет подготовка к штурму.

В своих декабрьских записях Цебриков не упоминает действия артиллерии вовсе, хотя 1 декабря было выстреляно 1367 зарядов, 2 декабря – 2576, 3 декабря – 869. Более того, автор не сообщает никаких подробностей о самом штурме, ограничиваясь замечанием: «Взят штурмом Очаков поутру в восемь часов, ретраншементы турецкие и крепость взяты в один час с четвертью... Плач – везде смерть торжествует»⁶⁶.

В заключение можно сказать, что совмещение двух разнородных источников – дневниковых записей и/или писем и актовой документации – способно дать любопытные результаты, очертив как объективные, так и субъективные стороны процесса, а также дать информацию как о количественных, так и о качественных характеристиках события. Разумеется, дневник Р. М. Цебрикова является своего рода феноменом: нелегко отыскать того, кто с такой открытостью и независимостью суждений, сохраняя при этом любознательность и интерес (пусть и смешанный с откровенным отвращением) к происходящему будет фиксировать день за днем события походной жизни. Однако и другие источники личного происхождения при соответствующих изысканиях могут дать богатый материал.

С другой стороны, анализ актовой документации позволяет видеть картину более комплексно, более формально, что особенно важно при оценке военных действий. Можно смело предположить, что дальнейшие архивные изыскания могут подать исследователям немало подобных сюжетов, укрупняющих, углубляющих наши представления о самых разных сторонах военной повседневности, тактики и особенностях ведения боевых действий.

---

¹ См. напр.: Сапожников И. В. Миссия Лафитта-Клаве в Очаковской области и Буджаке в 1784–1789 гг. // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2001. № 5. С. 493–502.

² Здесь и далее даты даны по старому стилю.

³ Например, А. В. Суворова, предложившего дерзкую атаку по льду лимана (примеч. автора).

⁴ См. напр.: Масловский Д. В. Записки по истории военного искусства в России: Вып. II. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. 789 с.; Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Т. I. 1787–1789. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880. 300 с.

⁵ См. напр.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Военное издательство МО СССР, 1958. 645 с.

⁶ См.: Шишов В. О. Цена осады. Русский осадный корпус под Очаковом, его снабжение и вооружение // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Волгоград, 27–28 сент. 2024 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2024. С. 283–288; также к печати готовится статья «Русская и османская артиллерия в кампании 1788 года под Очаковом. Опыт сравнительного изучения» в сборнике конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» (Тула, 2024).

- ⁷ См. Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. Дневниковые записки Р. М. Цебрикова 1785–1788 / Отв. ред. Н. В. Кирющенко. СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. 232 с.
- ⁸ АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Приказы, рапорты, ведомости о подготовке к штурму Очакова. 1788. Л. 48–51.
- ⁹ Там же. Ед. хр. 2715. Л. 1–1 об.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Д. 2768. Рапорты об отправлении осадной и полевой артиллерии и боеприпасов для осады крепости Очаков с приложением ведомостей. 1788. Л. 17.
- ¹² Там же. Ед. хр. 3033. Л. 9 об.
- ¹³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 145.
- ¹⁴ АВИМАИВИС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ¹⁵ Зажигательные боеприпасы, широко применявшиеся при осадных действиях в XVIII в.
- ¹⁶ Козлов С.А. От Лейпцига до Очакова. С. 148.
- ¹⁷ Там же. С. 152.
- ¹⁸ Там же. С. 154.
- ¹⁹ Там же. С. 155.
- ²⁰ Там же. С. 161.
- ²¹ Там же.
- ²² АВИМАИВИС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ²³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 163.
- ²⁴ Там же. С. 163–164.
- ²⁵ АВИМАИВИС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ²⁶ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 165.
- ²⁷ Там же. С. 166.
- ²⁸ См.: Там же. С. 167.
- ²⁹ Там же. С. 168.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ АВИМАИВИС Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об–49.
- ³² Имеется в виду И. И. Меллер, будущий Меллер-Закомельский, упомянутый выше.
- ³³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 169.
- ³⁴ АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 170.
- ³⁷ АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ³⁸ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 173.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ⁴¹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 176.
- ⁴² АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ⁴³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 176.
- ⁴⁴ АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об–49.
- ⁴⁵ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 177.
- ⁴⁶ АВИМАИВИС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 50 об.–51.
- ⁴⁷ Там же. Д. 2961. Л. 3 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2779. Л. 48 об.–49.

⁴⁹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 178.

⁵⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.

⁵¹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 178.

⁵² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 49 об.–50.

⁵³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 178.

⁵⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2769. Рапорта о наличии турецких орудий в Очаковской, Кинбурнской и Березанской крепостях с приложением ведомостей. 1788 Л. 13–15 об.

⁵⁵ Там же. Д. 2779. Л. 49 об.–50.

⁵⁶ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 181.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Речь идет о немецком флотоводце на русской службе Карле Генрихе Нассау-Зигене (1745–1808), принимавшем активное участие во внедрении в русский флот и артиллерию разнообразных европейских новшеств.

⁵⁹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 183–184.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 49 об.–50.

⁶² Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 186.

⁶³ Там же. С. 187.

⁶⁴ Там же. С. 188–189.

⁶⁵ Там же. С. 191.

⁶⁶ Там же. С. 192.